

Встает вопрос: мог ли сам дьяк Григорий и, может быть, еще кто-нибудь из его современников получить свое филологическое образование только в русской святогорской школе? Григорий во всяком случае был сербом, как об этом свидетельствуют *оу* для предлога *въ*, *дѣ* в смысле *quia vixdradouimy se*.¹⁴⁸ Высокое положение княжого дьяка во время создания Мирославова евангелия Григорий, конечно, не мог занимать в свои юношеские годы. Вероятнее предположить, что время его учения падает на седьмое или восьмое десятилетие XII в. В те годы Мануиловых балканских походов, ромеизации и антибогомильской инквизиции политическая обстановка не могла представлять особых возможностей для развития сербских связей с Афоном, где в то время и русский монастырь, по-видимому, не пользовался симпатиями византийского правительства и святогорского протата ввиду натянутости дипломатических и церковных сношений между Царьградом и Русью.¹⁴⁹ Между тем именно в эти годы существовали особенно живые союзнические отношения между сербами и Венгрией и между Венгрией и Русью. До 1162 г. на венгерском престоле сидел энергичный Гейза II, женатый на киевской княгине Ефросинии. Период его правления был эпохой наиболее сильного русского влияния в Венгрии. После смерти Гейзы Ефросиния сохраняла большое влияние на сына Стефана III, которого в 1167 г. женили на дочери галичского князя Ярослава Осмомысла,¹⁵⁰ а после смерти Стефана III пользовалась политическим влиянием в первые годы правления Бела IV (пока в 1176 г. не вмешалась в восстание младшего сына Гейзы, после чего Бела послал Ефросинию в монастырь, а позднее в Царьград). В условиях непрерывных дипломатических, военных и династических связей Венгрии с Киевом и Галичем, с одной стороны, и с сербскими землями — с другой, нужно предполагать, что и сами сербы могли входить в непосредственные сношения с русскими. Разве не мог Григорий, в то время, вероятно, «кандидат» на дипломатическую должность и будущий правитель дворцовой канцелярии, получить специального задания ознакомиться с русским языком и русским письмом? О таких сербско-русских связях в данный период мы не располагаем историческими свидетельствами, но от этих годов не имеется свидетельств и о сербских связях с Афоном. Во всяком случае остается факт русской основы правописания дьяка Григория, а по моему убеждению, и зависимость его графики от русской.

Известно, что письмо русских рукописей XI в. далеко оставляет за собой письмо южнославянских текстов того же периода, притом не только совершенством каллиграфической техники и высотой художественной иллюстрации, но и в смысле палеографическом — как высшая ступень в эволюции отдельных форм слов. Так, в южнославянских памятниках XI в. находим *a* с малой висячей петлей, большей частью архаического типа, с острым углом. Такого не встречаем ни в одной русской рукописи (кроме «делового» письма в подписи дочери Ярослава, французской королевы-регента «АНА РЪИНА», 1063 г. и письма на бересте, где угловатость форм вызывается свойствами материала и орудий письма). В южнославянских рукописях находим архаическую форму *ц* с хвостиком в строке (в Супрасльской рукописи и в отрывках Ундольского регулярно; в Саввиной книге и в Хиландарских листках рядом с младшей формой); в отдельных местах Саввиной книги и *ц* имеет еще неопределенную форму с хвостиком, кото-

¹⁴⁸ Белић, стр. 221.

¹⁴⁹ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв., стр. 45—60.

¹⁵⁰ Через два года брак был расторгнут и княгиня вернулась на Русь.